

Сорочинская трагедия

***Открытое письмо статскому советнику
Филонову***

**Г. статский советник,
Филонов!**

Лично я вас совсем не знаю, и вы меня также. Но вы чиновник, стяжавший широкую известность в нашем крае походами против соотечественников. А я писатель, предлагающий вам оглянуться на краткую летопись ваших подвигов.

Несколько предварительных замечаний.

В местечке Сорочинцах происходили собрания и говорились речи. Жители Сорочинец, очевидно, полагали, что манифест 17 октября дал им право собраний и слова. Да оно, пожалуй, так и было: манифест действительно дал эти права и прибавил к этому, что никто из русских граждан не может подлежать ответственности иначе, как по суду. Он провозгласил еще участие народа в законодательстве и управлении страной и назвал все это «незыблемыми основами» нового строя русской жизни.

Итак, в этом отношении жители Сорочинец не ошибались. Они не знали только, что, наряду с новыми

началами, оставлены старые «временные правила» и «усиленные охраны», которые во всякую данную минуту предоставляют администрации возможность опутать новые права русского народа целюю сетью разрешений и запрещений, свести их к нулю и даже объявить беспорядком и бунтом, требующим вмешательства военной силы. Правда, администрация приглашалась сообразовывать свои действия с духом нового основного закона, но... у нее были и старые циркуляры, и новые внушения в духе прежнего произвола.

В течение двух месяцев высшая полтавская администрация колебалась между этими противоположными началами. В городе и в губернии происходили собрания, и народ жадно ловил разъяснения происходящих событий. Конечно, были при этом и резкости, быть может излишние, среди разных мнений и заявлений были и неосновательные. Но мы привыкли оценивать явления по широким результатам. Факт состоит в том, что в самые бурные дни, когда отовсюду неслись вести о погромах, убийствах, усмирениях, — в Полтаве ничего подобного не было. Не было также тех резких форм аграрного движения, которые вспыхивали в других местах. Многие, и не без основания, приписывали это, между прочим, и сравнительной терпимости, которую проявила высшая полтавская администрация к свободе собрания и слова. <...>

Теперь это уже только прошлое. С 13 декабря полтавской администрации угодно было переменить свой образ действий. Результаты тоже налицо: в городе — дикий казачий погром, в деревне — потоки крови. Вера в значение манифеста подорвана, сознательные стремления сбиты, стихийные страсти рвутся наружу

или, что гораздо хуже — временно вгоняются внутрь, в виде подавленной злобы и мести...

Зачем я говорю вам все это, г. статский советник Филонов? Я, конечно, хорошо знаю, что все великие начала, провозглашенные (к сожалению, лишь на словах) манифестом 17 октября 1905 года, вам и непонятны, и органически враждебны. Тем не менее это уже основной закон русского государства, его «незыблемые основы» ... Понимаете ли вы, в каком чудовищно преступном виде предстали бы все ваши деяния перед судом этих начал?

Но я буду «умерен»... Я буду более чем умерен, я буду до излишества уступчив... Поэтому, г. статский советник Филонов, я применю к вам лишь обычные нормы старых русских законов, действовавших до 17 октября.

Факты.

В Сорочинцах и соседней Уствице происходили собрания без формального разрешения. На них говорились речи, принимались резолюции. Между прочим, постановлено закрыть винные монополии. Составлены приговоры и, не ожидая официального разрешения, монополии закрыли, на дверях повесили замки...

Восемнадцатого декабря, на основании усиленной охраны, то есть в порядке внесудебном, арестован один из сорочинских жителей, Безвиконный. Односельцы потребовали, чтобы его предали суду, а до суда отдали им на поруки <...>. Сорочинцам было отказано. Тогда они, в свою очередь, арестовали урядника и пристава.

Девятнадцатого декабря помощник исправника Барабаш приехал в Сорочинцы во главе сотни казаков. Он виделся с арестованными и, как говорят, уступая их убеждениям, обещал ходатайствовать об освобождении

Безвиконного и отошел с отрядом. Но затем, к несчастью, он остановился на окраине, разделил свой отряд, сделал обходное движение и опять подъехал к толпе. Произошло роковое столкновение, подробности которого установит суд. В результате смертельно ранен помощник исправника, смертельно ранено и убито до двадцати сорочинских жителей...

Известно ли вам, г. статский советник Филонов, при каких обстоятельствах погибли эти двадцать человек? Все они убивали исправника? Нападали? Спротивлялись? Защищали убийц?

Нет. Казаки не удовольствовались рассеянием толпы и освобождением пристава. Они кинулись за убежавшими, догоняли и убивали их. Этого мало: они бросились в местечко и стали охотиться за жителями, случайно попадавшимися на пути <...>

Мне нет никакой надобности применять к этой трагедии великие начала нового основного закона. ... Для этого достаточно любого закона любой страны, имеющей хоть самые несовершенные понятия о законе писанном или обычном. <...>

Двадцать первого декабря из Сорочинцев увезли тело несчастного Барабаша, умершего в больнице. Еще не стих печальный перезвон церковных колоколов, как вы, г. статский советник Филонов, въехали в Сорочинцы во главе сотни казаков <...>

Вы сразу стали поступать в Сорочинцах, как в завоеванной стране. Вы велели «согнать сход» и объявили, что, если сход не соберется, то вы разгромите все село, «не оставив от него и праха». Мудрено ли, что после такого приказания и в такой форме казаки принялись выгонять жителей по-своему. Мудрено ли, что теперь в селе, называя имена, говорят о целом ряде

вымогательств и даже изнасилований, произведенных отрядом, состоявшем в вашем распоряжении.

Для чего же вам понадобился этот сход, и какие законные следственные действия производили вы в его присутствии?

Прежде всего вы поставили их всех на колени, окружив казаками с обнаженными шашками и выставив два орудия. Все покорились, все стали на колени, без шапок и на снегу...

Эта толпа нужна вам была как фон, как доказательство вашего советницкого всемогущества и величия и ... презрения к законам, ограждающим личность и права русских граждан от безрассудного произвола. Дальнейшее «дознание» состояло в том, что вы вызывали отдельных лиц по заранее составленному списку.

Для чего? Для допроса? Для установления степени вины и ответственности?

Нет, едва вызванный раскрывал рот, чтобы ответить на вопрос, объясниться, быть может, доказать полную свою непричастность к случившемуся, как вы, собственной советницкой рукой с размаха ударили его по физиономии и передавали казакам, которые, по вашему приказу продолжали начатое вами преступное истязание, валили в снег, били нагайками по голове и лицу, пока жертва не теряла голоса, сознания и человеческого подобия...

<...> А вы, г. статский советник Филонов, глядели на это избиение и поощряли бить сильнее...

Господин статский советник Филонов! Поверьте мне: я устал, я тяжело устал, излагая только на бумаге все незаконные истязания и зверства, которым вы, под видом якобы законных следственных действий, подвергали без разбора жителей Сорочинцев, не стараясь

даже уяснить себе, — причастны они или не причастны к трагедии 19 декабря... А между тем, вы производили все это над живыми людьми, и мне предстоит еще рассказать, как вы отправились на следующий день для новых подвигов в Уствицу... А за вами, как за триумфатором, избитые, истерзанные, исстрадавшиеся, тащилась ваши сорочинские пленники, которым место было только в больнице...

Так ехали вы в Уствицу восстанавливать силу закона...

Толпу вы держали и здесь на коленях два часа, вымогая у нее, как в Сорочинцах, имена «зачинщиков» и требуя приговора о ссылке неприятных администрации лиц. Вы забыли при этом, статский советник Филонов, что пытка отменена еще Александром I, что истязания тяжко караются законом, что телесное наказание, даже по суду, отменено для всех манифестом от 11 августа 1904 года, а приговоры, добытые подобными, преступными приемами, не имеют ни малейшей законной силы...

Я кончил. Теперь г. статский советник Филонов, я буду ждать.

Я буду ждать, что, если есть еще в нашей стране хоть тень правосудия, если у вас, у ваших сослуживцев и у вашего начальства есть сознание профессиональной чести и долга, если есть у нас обвинительные камеры, суды и судьи, помнящие, что такое закон или судейская совесть, то кто-нибудь из нас должен сесть на скамью подсудимых и понести судебную кару: вы или я. <...>

Пусть страна видит, к какому порядку, к какой силе законов, к какой ответственности должностных лиц, к какому ограждению прав русских граждан зовут ее два месяца спустя после манифеста 17 октября.

За всем сказанным вы поймете, почему, даже условно, в конце этого письма, я не могу, г. статский советник Филонов, засвидетельствовать вам своего уважения.

9 января 1906 г.

*Короленко В.Г. Собр. соч. в 10 тт.,
Т. 9, М., 1955. С. 435—447.*